

На правах рукописи

БОГОМОЛОВ Игорь Константинович

**ОБРАЗ ПРОТИВНИКА В РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
1914-1915 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва - 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Научный руководитель: ГЛЕБОВА Ирина Игоревна,
доктор политических наук

Официальные оппоненты: БУЛДАКОВ Владимир Прохорович,
доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт российской истории Российской академии наук, Центр изучения новейшей истории и политологии, главный научный сотрудник

ГАЙДА Федор Александрович,
кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», кафедра истории России XIX – начала XX века, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Санкт-Петербургский институт истории РАН

Защита состоится «24» июня 2015 года в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 212.198.07 (по историческим наукам), созданного на базе Российского государственного гуманитарного университета, по адресу: 125993, Россия, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета 125993, Россия, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: <http://dissovet.rggu.ru/section.html?id=12053>.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Барышева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Одним из важнейших последствий Первой мировой войны стало значительное усиление влияния средств массовой информации на общество. Интенсификация общественной жизни создавала устойчивый спрос на периодическую печать как основной источник актуальной информации об окружающем мире. В конце XIX – начале XX веков произошло значительное увеличение количества газет и журналов, а также многократный рост их тиражей. Пресса все сильнее проникала в жизнь общества, становясь неотъемлемой частью повседневности представителей разных классов и сословий. Значительный пропагандистский¹ потенциал печати, «нервной системы общественного организма»², в полной мере обнаружился в дни июльского кризиса 1914 г. Интерес читающей публики к международным делам породил беспрецедентный спрос на газеты, в первую очередь на ежедневные издания.

За прошедшие сто лет произошли огромные изменения в информационном пространстве. Стремительное развитие телевидения и интернета позволяет большей части населения планеты оперативно получать информацию о происходящих событиях в разных уголках планеты. Однако этому сопутствовало и сопутствует столь же стремительная эволюция пропаганды и методов воздействия на массовое сознание населения. В многочисленных войнах второй половины XX – начала XXI веков противоборствующие стороны активно использовали и развивали

¹ Термин «пропаганда» происходит от лат. *propago* – «распространяю». В широком смысле пропагандой называется распространение политических, философских, научных, художественных и других взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание.

² Цит. по: Симонова Н.Б. Система периодической печати России: Вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. С. 3.

пропагандистские методы и приемы, разработанные в годы Первой мировой войны.

Однако несмотря на стремительно расширяющиеся возможности, человек продолжает оставаться объектом пропаганды, подвергается агрессивному информационному воздействию посредством СМИ. Опыт Первой мировой войны остается весьма актуальным, так как именно сто лет назад были проведены пропагандистские кампании невиданного ранее размаха, опробованы методы и приемы массового психологического воздействия, и сегодня доказывающие свою эффективность. Со времен войны 1914-1918 гг. пропаганда стала одним из ключевых элементов любой военной кампании и важнейшим фактором общественной жизни в мирное время.

Рост международной напряженности в начале XXI века актуализирует проблемы взаимодействия государства и общества со СМИ. Украинский кризис и развитие международных отношений в 2013-2014 гг. наглядно продемонстрировали, что роль СМИ в общественно-политической жизни только усиливается. Интернет и телевидение, благодаря своей распространенности и доступности, становятся важнейшими факторами формирования внешнеполитических, национальных и иных стереотипов в массовом сознании. Со своей стороны, государственные власти демонстрируют возрастающие возможности по контролю над информационным пространством, получают законодательно закрепленные рычаги влияния на СМИ. В этом смысле опыт использования печати как мощного инструмента пропаганды в годы Первой мировой войны не утратил своего значения, а напротив – требует самого пристального внимания исследователей. В полной мере это относится и к русской периодической печати.

Степень научной разработанности проблемы. Первая мировая война внесла огромный вклад в развитие пропаганды и понимание ее роли в периоды социальных потрясений. Значимость широких пропагандистских

кампаний в полной мере была осознана только в межвоенный период. В западных научных работах «проблема воздействия информации на сознание была актуальнейшим вопросом со времен Первой мировой войны»¹. Некоторые вышедшие в 1920-1930-е гг. труды по военной пропаганде по-прежнему цитируются в современных исторических и психологических исследованиях. Таковыми можно назвать, к примеру, работу британского дипломата А. Понсонби «Ложь в военное время» и ставший классическим труд Г. Лассуэлла о технике пропаганды в годы Мировой войны.

Вторая мировая война превзошла Первую мировую в масштабах не только сражений, разрушений и человеческих жертв, но и пропагандистских кампаний. Сформированные и разработанные в 1914-1918 гг. методы и приемы массового психологического воздействия были в 1939-1945 гг. значительно усовершенствованы. На этом фоне опыт Первой мировой войны в течение нескольких десятилетий оставался «в тени». Ситуация начала изменяться в 1960-1970-е гг., когда в советской исторической науке постепенно усиливалось внимание к малоизученным аспектам Первой мировой войны. Интерес, в частности, вызывали попытки противоборствующих сторон регулировать общественные настроения с помощью пропаганды и массового психологического воздействия. Объектом исследований становилась в том числе и русская «буржуазная» пресса, на которую советские историки ранее практически не обращали внимания. Б.И. Есин и ряд других исследователей предприняли первые попытки систематизировать русскую дореволюционную печать, разработали методику ее изучения. В свою очередь, А.Н. Боханов, Е.И. Пронин, А.З. Огороков, В.Я. Лаверычев в своих работах рассматривали условия существования русской прессы, ее участие в политической борьбе в годы Мировой войны.

¹ Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2011. С. 17.

Последнее десятилетие XX века ознаменовалось новым этапом в развитии отечественной исторической науки. В этот период отечественные исследователи начали активно перенимать зарубежный опыт, осваивать новые методы и приемы для изучения ключевых периодов российской истории. Одним из итогов интенсификации научного диалога и взаимодействия стал своеобразный «поворот» отечественной науки к проблемам развития общественной мысли, к социально-психологическим и культурным аспектам взаимодействия людей в различные исторические эпохи.

В этот период появляются первые специальные работы по изучению образов «другого» в сознании российского общества во время войны. Работы Е.С. Сенявской положили начало развитию военно-исторической антропологии. Работы Е.С. Сенявской, А.С. Сенявского и ряда других исследователей способствовали появлению в российской историографии отдельного направления – имагологии¹. В последние два десятилетия была заложена методологическая основа для имагологических исследований.

Изучение образов Германии и Австро-Венгрии накануне и в годы Первой мировой войны тесно связаны с новейшими работами по истории и организации русской дореволюционной печати. Для современного этапа развития историографии вообще характерно большое внимание к прессе, признание ее важнейшим источником по истории общественных отношений, внутренней и внешней политики. Современный исследователь Е.Г. Кострикова внесла большой вклад в изучение русской дореволюционной печати, убедительно доказала, что газеты накануне Первой мировой войны играли значительную роль в «борьбе» по вопросам внешней политики России. В последние годы исследователи все активнее привлекают материалы русских газет при изучении важнейших общественных тенденций.

¹ Термин происходит от лат. *imago*, «образ».

Другой тенденцией последних лет стало широкое привлечение материалов периодической печати для исследования образов союзников и противников России в годы Первой мировой войны. Современная историография обращает внимание как на центральную, так и на местную прессу. Однако в указанных исследованиях за основу были взята либо одна газета (с частичным использованием других изданий), либо несколько, но в отдельно взятом регионе. Это не позволяет взглянуть на общую картину, проанализировать формирование и развитие «образа врага» в русской печати в целом.

В определенной степени этот пробел заполняет защищенная в 2014 г. диссертация Б.С. Котова, посвященная образам Германии и Австро-Венгрии в российской прессе в 1912-1914 гг. Выявленная исследователем зависимость образов Центральных держав от политического направления газеты позволяет сделать вывод о многообразии, неоднозначности и сложности представлений русской печати о Германии и Австро-Венгрии¹. Вместе с тем, исследование Б.С. Котова останавливается на августе 1914 г. и практически не затрагивает военного периода.

Таким образом, на основе проведенного историографического обзора можно сделать вывод, что исследования образов в российской прессе времен Первой мировой войны сегодня не теряют своей актуальности. Однако на данном этапе отсутствуют комплексные работы по изучению образов противников России на страницах крупнейших русских газет периода Первой мировой войны. Недостаточно исследована трансформация образов Центральных держав в «пограничный» период между войной и миром, а также развитие этих образов в условиях военного времени.

Объектом исследования является русская периодическая печать в 1914-1915 гг. **Предмет** исследования составляют процессы создания и

¹ Котов Б.С. Указ. соч. С. 599-601.

трансформации образов неприятельских государств в русской периодической печати накануне и в первый год Первой мировой войны.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в том, чтобы проследить динамику развития образов Германии, Австро-Венгрии и Турции как противников России на страницах крупнейших русских ежедневных газет в течение 1914-1915 гг.

Для реализации данной цели в диссертации были поставлены и решены следующие **задачи**:

- 1) Охарактеризованы взгляды ведущих русских периодических изданий на будущих военных противников России накануне Первой мировой войны
- 2) Прослежено развитие образов Германии, Австро-Венгрии и Турции в русской печати в период июльского кризиса и в начале общеевропейского конфликта.
- 3) Проанализировано влияние военно-политической ситуации, цензурной политики и пропаганды на образы неприятельских государств в русской прессе в августе 1914 – июле 1915 гг.
- 4) Исследована трансформация образов военных противников России в русской печати в условиях «великого отступления» и нарастания внутривосточного кризиса в России летом 1915 г.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В основу исследования положены *принципы историзма, всесторонности и системности*, в соответствии с которыми явления исторической действительности рассматриваются в развитии, взаимосвязи и взаимодействии. Изучение периодической печати невозможно без учета конкретно-исторических условий и особенностей функционирования и политических позиций различных газет. Применение указанных принципов позволяет рассматривать выбранные издания в качестве элементов единой системы русской периодической печати.

При работе над диссертацией были использованы как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования. Среди общенаучных методов следует выделить *анализ, синтез, обобщение и сравнение*. В число использованных специальных методов входит *историко-генетический метод*, позволивший проанализировать основные процессы и тенденции развития российского общества в начале XX века. Кроме того, исследованию русской печати этого периода способствовал *историко-типологический метод*. С его помощью была проведена работа по систематизации русских газет, выявлению их особенностей, общих черт и различий. Наконец, применение *историко-сравнительного метода* позволило сопоставить и сравнить материалы различных периодических изданий; определить и охарактеризовать позиции газет по ключевым вопросам внутренней и внешней политики России; проанализировать взгляды прессы на вражеские государства и народы; выделить сходства и различия в этом вопросе между исследуемыми изданиями накануне и в период Первой мировой войны.

Важнейшее значение для исследования образов, механизмов их формирования и функционирования имеет междисциплинарное научное направление *историческая имагология*. Имагологическое исследование предполагает комплексное изучение конкретно-исторических условий появления образов в «общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи»¹. Образы зачастую стремятся обрести форму «инвариативных констант»², но в то же время находятся под сильным влиянием динамики внешней среды. Поэтому, как отмечают О.С. Поршнева и А.В. Голубев, сформированный образ представляет собой «динамическую систему представлений и мнений, обладающую как стереотипными, так и

¹ Ощепков А.Р. Указ. соч. С. 251.

² Поляков О.Ю. Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013. С. 102.

дифференцированными чертами, как рациональными, так и эмоциональными компонентами»¹.

Структурными компонентами образа являются стереотипы. Сформировавшиеся под влиянием многолетних (а часто – многовековых) культурных, исторических и политических тенденций, стереотипы отличаются «стабильностью, исторической устойчивостью и могут выступать как мифы или символы, объясняющие социально-исторический опыт той или иной национальной общности»². Стереотипные представления о «другом» структурируются и воспроизводятся в текстах с помощью определенного набора лексических и фразеологических средств, прежде всего – метафор и метафорических моделей. Как отмечает современный исследователь Д. Лакофф, «образ действий нации на международной арене всегда определяется целым рядом метафор, которые в значительной степени структурируют наше понимание международной политики и международных конфликтов»³. Критическое осмысление образов предполагает не только определение коллективных или личностных представлений о «другом», но и эволюцию этих представлений под влиянием внешних условий. Как отмечает Е.Ю. Сергеев, образы, «подобно “кирпичикам”, формируют представления, которые... не ограничиваются фиксацией внешних признаков явлений, а содержат еще и рефлексию, то есть анализ (верный или ложный) их происхождения, внутренней структуры и условий существования»⁴.

Периодическая печать, в силу своей распространенности, популярности, подверженности внешним воздействиям, широкому спектру политических воззрений является одним из основных источников для имагологических исследований. Важнейшей чертой периодической печати является ее

¹ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 10-11.

² Поляков О.Ю. Полякова О.А. Указ соч. С. 96.

³ Цит. по: Котов Б.С. Указ. соч. С. 10.

⁴ А.В. Голубев, О.С. Поршнева. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн // Российская история. 2013. № 3. С. 189.

информативность – систематическая концентрация больших объемов информации. В то же время особенностью печати является зависимость от источников и потоков информации, а также от степени контроля над ней. Особенно сильно эта зависимость проявляется в периоды военных конфликтов.

Тем не менее, даже в условиях значительного ограничения информационных потоков сама информация сохраняет свои функции и остается по сути своей совокупностью данных, результатом познавательной деятельности и процессом, «содержание которого состоит в истолковании внешне проявленных явлений»¹. Осмысление и интерпретация информации способствуют сохранению ее динамичной природы и в конечном итоге влияют на «интеллектуальные продукты» информационного взаимодействия. К числу этих «продуктов» принадлежит и периодическая печать, «фиксирующая» результаты динамичного, «живого» информационного обмена. Однако в период возрастающего информационного противостояния (как, например, во время вооруженных конфликтов) получаемая информация особенно сильно нуждается в критическом осмыслении и проверке на соответствие реальности. Как отмечает А.Н. Медушевский, в этих условиях «встает проблема различения подлинной и мнимой информации». Появление и распространение мнимой информации ведет к созданию «имитационного информационного ресурса», который «не обязательно включает фактически ложную информацию, но создает в целом иллюзорную картину реальности»².

Ограничение информационных потоков постепенно формирует новую среду, в которой обращение информации и ее интерпретация жестко регламентируются. Это в конечном итоге порождает новые функции и изменяет статус и значение периодической печати, язык и текст которой становятся не только «пассивным средством выражения мысли», но и

¹ Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 73.

² Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 87.

факторами, организующими реальность «по определенным правилам»¹. Сформированный в периодической печати образ является в первую очередь *информационным*, то есть фиксирующим определенную (подлинную или мнимую) информацию об объекте. Манипулирование информацией и ее источниками может привести к «неточности отображения материального мира в информационных образах», а также к «неадекватности информационного образа реальному объекту» и к появлению «информационного образа объекта, реально не существующего»².

Следовательно, сформированный в периодической печати образ имеет своеобразные «несущие конструкции» (стереотипы, выраженные и воспроизводимые в тексте различными лексическими и фразеологическими средствами) и подвержен изменениям под влиянием внешних обстоятельств (сужение или расширение каналов распространения информации, контроль над ее содержанием и уровень потребности в ней общества). Вместе с тем, изучение образов в периодической печати имеет определенную специфику. Необходимо учитывать многообразие и противоречивость предоставляемой газетами и журналами информации, а также политическую позицию издания, мировоззрение отдельных журналистов и изменяющуюся социально-политическую конъюнктуру.

В данной работе основное внимание обращено на формирование и развитие в периодической печати образов государств и народов, которые в 1914 г. вступили в войну с Россией и ее союзниками. Исследование образов Германии и Австро-Венгрии как врагов России в Первой мировой войне обращает к отдельному предмету историко-психологического исследования – понятию «образ врага».

¹Девятков А.В., Кондратьев С.В., Макарычев А.С., Чувильская Е.А. Проблематика образов в международных отношениях: методологические подходы и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №10. С.27.

² Обеспечение информационной безопасности бизнеса. М., 2011. С. 47.

«Образ врага» в массовом сознании является результатом значительного ухудшения межгосударственных и международных отношений, и получает импульс к развитию во время политических, межэтнических, социальных и экономических конфликтов. Как целостное представление об оппоненте, «образ врага» начинает формироваться на основе «негативных оценок», данных оппоненту по большей части еще до начала открытого конфликта¹. В периодической печати «образ врага» представляет собой продукт синтеза довоенных стереотипов о «другом» и усилий государственных властей по формированию «искусственного», пропагандистского образа вражеских государств и народов. В большинстве случаев «образ врага» формируется «на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия»². Как и образы в целом, «образ врага» зачастую имеет ярко выраженное «символическое выражение и динамический характер, зависящий от новых внешних воздействий информационного или суггестивного типа»³.

Отдельно следует остановиться на понятии «образ противника», использованном в названии диссертации. Под понятием «враг» мы понимаем субъект, с которым у другого субъекта существуют неразрешимые противоречия, и открытый конфликт между которыми (в данном случае – война) либо уже начался, либо в перспективе неизбежен. В этом смысле понятие «противник» изначально имеет более широкий контекст и не обязательно предполагает открытое (в том числе военное) противоборство между сторонами. В различных условиях противник «может быть, а может и не быть врагом», и с ним можно «конкурировать, соревноваться, бороться, ... опережать, обгонять в чем-либо», но не всегда – воевать⁴.

¹ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М., 2000. С. 267.

² Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века... С. 20.

³ Там же.

⁴ Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // СОЦИС: Социологические исследования. 2008. № 1. С. 36.

Так как данное исследование охватывает последние полгода перед началом Первой мировой войны, необходимо учитывать различия во взглядах русских газет на Германию и Австро-Венгрию, на перспективы сотрудничества России с этими державами, а также на саму возможность начала общеевропейского конфликта. К примеру, накануне войны мнение одной газеты (например, «Нового времени») о Германии как о «вековом враге» России и славянства часто не находило понимания у другой газеты (например, «Русских ведомостей»), видевшей в Германии серьезного экономического и политического *противника*. С этой точки зрения, русско-германские и русско-австрийские противоречия (наличие которых не оспаривалось ни одной русской газетой) могли носить временный характер и не обязательно должны были перерасти в открытую военную конфронтацию. Поэтому, на наш взгляд, понятие «противник» имеет более широкий контекст, учитывает сложное и неоднозначное отношение русской печати к Германии и Австро-Венгрии, различные взгляды газет на развитие международных отношений в целом.

Хронологические рамки исследования охватывают период с января 1914 по август 1915 гг. Отправная дата обусловлена новым витком напряженности в русско-германских отношениях, связанным с миссией Лимана фон Сандерса в Константинополь в конце 1913 – начале 1914 гг. В качестве верхней даты выбран август 1915 г. – время подведения печатью первых «неутешительных» итогов в связи с годовщиной начала Мировой войны. Созыв Государственной думы (1 августа 1915 г.) можно назвать символической границей, после которой печать сосредоточила основное внимание на экономических и внутривнутриполитических вопросах. Кроме того, «великое отступление» русской армии стало серьезным моральным потрясением для русского общества и оказало значительное влияние на образы Германии и Австро-Венгрии в русской прессе. Эволюция образа

«внешнего» врага способствовала активизации дискуссии о враге «внутреннем» и углублению политического кризиса в России.

Источниковая база исследования. Основу диссертационного исследования составляют материалы русской периодической печати 1914-1915 гг. Наиболее широко представлены ежедневные газеты Санкт-Петербурга (Петрограда) и Москвы, в первую очередь – «Новое время», «Речь», «Русское слово» и «Русские ведомости». Выбор именно этих изданий обусловлен их высокими тиражами, информативностью, широким распространением, популярностью и влиятельностью. Кроме того, различные политические позиции указанных газет повлияли на репрезентацию противников России, а также на дискуссии о причинах войны и перспективах послевоенного мироустройства.

Помимо периодической печати, при работе над диссертацией были использованы архивные материалы. С помощью архивов газетных редакций можно проследить развитие взаимоотношений между властями и печатью в условиях военного времени. Так, документы редакций газет «Русское слово» и «Русские ведомости» хранятся в фондах 595 и 1701 Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Здесь представлены, в частности, переписки редакций с Московской военно-цензурной комиссией, Штабом Верховного главнокомандующего, Главным Управлением Генерального Штаба, Санкт-Петербургским (Петроградским) телеграфным агентством, различными гражданскими и военными должностными лицами. В фонде «Русских ведомостей» имеется список сотрудников, в том числе – военных и заграничных корреспондентов издания.

Часть архива «Русского слова» хранится также в фонде 259 Научно-исследовательского Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Интерес представляет переписка редакции с

военными и зарубежными корреспондентами. Кроме того, в фонде содержатся данные о сотрудниках, продажах и тиражах «Русского слова».

Большое значение для данного исследования имеют документы военных ведомств. Активное взаимодействие с прессой вело Главное Управление Генерального Штаба (ГУГШ), документы которого хранятся в фонде 2000 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Основным интерес вызывают стенограммы ежедневных встреч представителя ГУГШ, полковника А.М. Мочульского с представителями русских газет. На этих встречах редакциям передавались официальные и «неофициальные» сведения о вражеских армиях и внутреннем положении Германии и Австро-Венгрии.

Другой стороной, оказывавшей активное воздействие на печать в военное время, были органы цензуры. В данном исследовании были использованы документы Военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Использованы, в частности, журналы заседаний военных цензоров и членов Петроградской военно-цензурной комиссии, на которых до представителей прессы доносились решения и предписания со стороны цензурных ведомств. Помимо прочего, цензоры консультировали представителей газет по поводу освещения положения дел на фронте и в тылу врага. Интерес представляют также документы Санкт-Петербургского (Петроградского) телеграфного агентства, в частности – переписка руководства с европейскими корреспондентами, а также с Министерством иностранных дел накануне и в период Первой мировой войны.

В работе использованы альбомы газетных статей и заметок, запрещенных к публикации или разрешенных с исключениями. Многие запрещенные и «оцензуренные» материалы касались вражеских государств и их армий. Исследование альбомов с газетными вырезками позволяет проследить логику цензурных ведомств и составить представление о «правильной» с точки

зрения властей репрезентации Германии и Австро-Венгрии в русской прессе. Помощь в этом оказывают также предписания и рекомендации дежурным цензорам при их работе с газетными материалами.

Научную новизну исследования определяют следующие результаты, полученные автором:

1) Доказано, что накануне Первой мировой войны (февраль-июль 1914 г.) русские газеты считали Германию и Австро-Венгрию элементами единого геополитического субъекта, с едиными целями и стратегией действий в мировой политике и экономике. Центральные державы, будучи представителями противоположного военно-политического лагеря, признавались русской прессой наиболее вероятными военными противниками России. Во время июльского кризиса 1914 г. русские газеты отделяли «неадекватные» действия Вены от более осторожной политики Берлина. Предполагалось, что Германия не станет начинать войну в «невыгодный» для себя момент. Однако с началом общеевропейской войны Германия и Австро-Венгрия предстали на страницах русской печати как единый враг, противостоявший не только державам Антанты, но и всему «цивилизованному миру».

2) Исследованы условия функционирования русской периодической печати в период усиления военной цензуры и активизации государственной пропаганды. На основе ранее не использовавшихся архивных материалов показана взаимосвязь между официальной военной пропагандой, цензурной политикой властей и образами Центральных держав в русской печати периода Первой мировой войны. Для этого анализируются записи ежедневных встреч представителя Главного управления Генерального Штаба и уполномоченных газетных редакций. Организованные для противодействия распространению «немецкой лжи», эти встречи являлись одним из главных инструментов формирования в русской печати «правильного» образа врагов России. Цензура и официальная пропаганда

вносили серьезные коррективы в редакционную политику газет, вынуждали редакции жертвовать важной информацией и «горячими» новостями ради соблюдения военной тайны. В то же время, огромный интерес русского общества к войне побуждал прессу к более широкому освещению «мирового пожара», увеличению количества «подцензурных» материалов о положении на фронте и в тылу врага.

3) В диссертации освещаются сложные взаимоотношения между властями и русской прессой, а также между самими газетами, между цензурными и военными ведомствами. Диссертант приходит к выводу, что нараставшие противоречия не позволили сформировать согласованную позицию русской печати по вопросу о причинах и истоках Мировой войны. Кроме того, в газетах разной политической ориентации высказывались разные мнения относительно внутреннего социально-экономического и политического положения Центральных держав, боеспособности вражеских войск. В течение первого года войны на страницах газет все чаще подвергались сомнению предвоенные предположения, что Германия и Австро-Венгрия добровольно сдадутся через считанные месяцы из-за неравного соотношения сил и под тяжестью экономической блокады.

4) В диссертации выявлена взаимосвязь между изменявшейся обстановкой на фронте, общественно-политической ситуацией внутри России и трансформацией образов Германии и Австро-Венгрии в русской периодической печати. Доказано, что поражения русской армии летом 1915 г. существенно изменили взгляды газет на противников России. «Великое отступление» в короткий срок обесценило сотни телеграмм, заметок и статей, из которых читающая публика ежедневно в течение года узнавала о «предсмертной агонии» Центральных держав. Сюжеты о «действительной» силе и боеспособности неприятельских войск соседствовали с комплиментарными отзывами об организации вражеского тыла. Столь резкий переход привел к самым пагубным последствиям для общественных

настроений. Не получив адекватной оценки вражеских сил, российское общество оказалось психологически не готово к столь масштабным поражениям и отступлениям русской армии.

5) В диссертации прослежена эволюция оценок войны, ее характера, значения и последствий на страницах русской периодической печати. Пресса рассматривала кризис на фронте как своеобразное «наказание», которое русское общество понесло в результате недооценки масштабов и значения войны. В то же время, в печатных органах высказывалось мнение, что тяжелые поражения могли стать новой прочной основой для достижения общественного консенсуса. Однако дискутируя о возможных путях достижения этого консенсуса, газеты актуализировали временно «отставленные» в сторону проблемы и дискуссии о мобилизации экономики, национальном вопросе, эффективности правительственной политики. Политические оппоненты при первой возможности с готовностью вернули эти вопросы на страницы газет, попутно обвиняя друг друга в «неуместных словопрениях» и нарушении «священного единения». Дискуссии о силе и стойкости неприятельских государств встраивались во внутривполитический контекст. Все это не способствовало действительному объединению русского общества, необходимому перед лицом внешней угрозы.

Практические результаты исследования могут быть использованы в подготовке обобщающих трудов по имагологии, истории Первой мировой войны, русской дореволюционной печати, русско-германских и русско-австрийских отношений.

Апробация результатов исследования. Предварительные результаты работы были представлены на двух международных конференциях в Калининграде («Первая мировая война в истории и культуре России и Европы», октябрь 2013 г. – материалы опубликованы) и Москве («Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований», 2014 г.)

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определена степень изученности проблемы, сформулированы цели и задачи, объект и предмет, охарактеризованы источниковая база и методология, хронологические рамки, научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования.

Первая глава – «Русская печать о противниках России накануне и в начале Первой мировой войны (январь-сентябрь 1914 г.)» – состоит из четырех параграфов. В главе рассматривается эволюция взглядов русской периодической печати на Германию и Австро-Венгрию в условиях перехода от мира к войне, а также дискуссии в прессе относительно истоков, непосредственных причин и характера «великой европейской войны».

В **первом параграфе**, «Образы будущих военных противников России накануне Мировой войны», анализируется отношение русских газет к Германии и Австро-Венгрии в последние полгода перед началом общеевропейского конфликта. Обострение отношений России с Центральными державами связывалось с новыми согласованными «агрессивными» шагами Берлина и Вены в их внешней политике. Экономическая экспансия немцев по всему миру вызывала общие опасения русской печати, однако последствия германского «культуртрегерства» воспринимались газетами по-разному. «Новое время» считало немецкую экспансию основой для дальнейшего нарастания «немецкого засилья» в экономике, а затем и в политике России. По мнению издания, непотворение этому процессу должно было в конечном итоге вылиться в «закабаление»

русского народа представителями «чуждой», враждебной культуры. Либеральная печать разделяла опасения «Нового времени» по поводу немецкой экспансии, однако не считала русско-германское военное столкновение неизбежным. Экономические противоречия были «оборотной стороной» тесных контактов между двумя странами. Война была, по мнению либеральных газет, «маловероятной» еще и потому, что на бытовом уровне в России не была развита германофобия.

Сараевское покушение и начало июльского кризиса 1914 г. вызвало в печати уверенность, что Германия не начнет войну из-за австро-сербских противоречий. Данный тезис основывался прежде всего на убежденности большинства русских газет в рациональности и расчетливости Германии, которая, в отличие от Австро-Венгрии, не будет приносить свои заранее разработанные планы в угоду «неадекватным порывам» своей главной союзницы. Надежды в прессе на то, что Берлин умиротворит «венских и пештских шовинистов», оставались даже после объявления австрийского ультиматума Сербии, за считанные дни до начала Мировой войны.

Во **втором параграфе**, «От противника к врагу: реакция русской прессы на начало общеевропейского конфликта», рассматриваются дискуссии в русской печати по поводу причин и виновников начавшейся в августе 1914 г. войны. Находясь «под впечатлением» от стремительного и «неожиданного» развития событий в Европе, русские газеты первоначально не видели других причин для начала конфликта кроме «взбалмошности» и «неадекватности» германского и австрийского императоров, а также окружавшей их «воинствующей клики». К середине августа 1914 г. печать стала в целом более взвешенно оценивать причины и истоки войны, которая теперь признавалась логичным и практически неизбежным результатом развития международных отношений после создания «агрессивной по своей сути» Германской империи в 1871 г. На этом фоне народы Центральных держав рассматривались печатью едва ли не как «жертвы», насильно втянутые их

правителями в бессмысленную войну. Следует отметить, что первоначально такой точки зрения придерживались как либеральные, так и националистические русские издания.

Третий параграф, «“Немецкие зверства” и трансформация образов Германии и Австро-Венгрии в русской печати в августе-сентябре 1914 г.», посвящен анализу тех значительных перемен в отношении печати к противникам России, которые наметились уже во второй половине августа 1914 г. Своеобразным «прологом» послужил сюжет о жестоком обращении с русскими подданными, которые в момент начала войны оказались на территории Германии. Уже при освещении этого сюжета наметились ощутимые противоречия между различными газетами.

«Новое время» рассматривало жестокое обращение с русскими подданными в Германии как яркое проявление немецкого общенационального «озверения». Суворинская газета подчеркивала, что «зверства» были именно немецкими, то есть исходили не от конкретных военных или гражданских лиц – германских подданных, а от немцев, проявивших таким образом свою ненависть к России и к русским. Те из нововременских авторов, которые в первые дни войны призывали «освободить» немецкий народ от власти развязавшего войну «кровавого кайзера и его клики», со второй половины августа 1914 г. в корне поменяли свое мнение. «Новое время» полагало, что германский народ с началом войны продемонстрировал свою «сущность», которая якобы тщательно скрывалась за «цивилизованной маской», немедленно «сорванной» при первой возможности.

«Речь» и «Русские ведомости» изначально отнеслись весьма осторожно к разразившейся в европейской печати антинемецкой истерии и не были склонны поддерживать «Новое время» в его выводах. На страницах этих изданий неоднократно публиковались случаи «терпимого» и даже «участливого» отношения к выезжавшим из Германии русским. Кроме того,

в отличие от «Нового времени», кадетские печатные органы продолжали полагать, что война в германском обществе была непопулярной и была поддержана лишь «шовинистически» настроенным меньшинством, люмпенизированными и необразованными слоями населения.

В четвертом параграфе, «Дискуссии в русской прессе о послевоенной судьбе Германии, Австро-Венгрии и Турции», анализируются дальнейшие попытки русской печати осмыслить произошедшие в Европе события и понять, каким будет мир после окончания войны. Эти дискуссии проходили уже на фоне «немецких зверств», под которыми «Новое время» подразумевало также и военные преступления германской и австрийской армии. Выдвинув тезис о «поголовном озверении» немецкого общества, нововременские обозреватели не ждали от вражеских войск других действий. Жестокое обращение с русскими подданными в Германии «Новое время» считало наглядным примером того, как немецкие солдаты будут поступать с мирным населением оккупированных областей. Словосочетание «немецкие зверства» принимало, таким образом, универсальный характер и подразумевало, что войну ведет не Германия, а немцы, и не против держав Антанты, а против «ненавистных» им народов, воспротивившихся германским агрессивным и гегемонистским устремлениям.

«Национальный» контекст в значительной степени повлиял и на дискуссии о причинах войны на страницах «Нового времени». На первый план вышли вопросы о «глубинных истоках озверения» немцев и о причинах образования в центре Европы агрессивного государства. На второй вопрос нововременские обозреватели отвечали с помощью первого: Германия была агрессивным государством прежде всего потому что ее создал и населял агрессивный по своей сути немецкий народ. В качестве «доказательств» «Новое время» приводило многочисленные примеры из истории, которые должны были продемонстрировать читателю, что немцы во время всех войн со своим участием поступали одинаково жестоко с мирным населением и

использовали одни и те же «бесчеловечные» методы. Суворинская газета полагала, что «новые Аттилы» и «варвары XX века» стали продолжателями «дела» своих далеких предков. По мнению «Нового времени», первоочередной задачей союзников и всего мира было «усмирение» немецкого народа. Более того, газета не видела места в послевоенном мире не только для Германии (как политического образования), но и для «второсортной» немецкой культуры и вообще для немцев, никогда якобы не входивших в число «цивилизованных» народов.

Преступления германской армии в Бельгии и Польше поколебали первоначальные позиции либеральной печати по вопросу о характере и истоках войны. Особенное внимание этой части русской прессы привлекали настроения германской интеллектуальной и духовной элиты, не предупредившей, а активно распространявшей милитаризм и шовинизм в немецком обществе. Однако и в случае с немцами «помутнение рассудка» рано или поздно должно было смениться «отрезвлением» и поворотом «немецкой ярости» в сторону правящих кругов Германии. С точки зрения либеральной прессы, столкновение народов было начато австро-германским блоком, однако должно было немедленно прекратиться вместе с полным поражением агрессивно-милитаристских режимов в Австрии и Германии. «Зверства» считались проявлением «темных сторон немецкой души», но неоднократно отмечались и «светлые» стороны, положительные качества немецкого характера, благодаря которым немцы после войны должны были «начать сначала», обрести свое законное место в ряду крупнейших европейских наций.

Вторая глава – «Армия и тыл неприятельских государств в освещении русской печати в сентябре 1914 – июле 1915 гг.» – состоит из трех параграфов. В ней анализируются образы Германии, Австро-Венгрии и Турции, сформировавшиеся в русской печати в течение первого года войны.

Первый параграф, «Функционирование русской прессы в начальный период Первой мировой войны: политика и практика», посвящен анализу деятельности русской печати на фоне стремительно менявшейся международной обстановки. Пограничный период между миром и войной (июль – начало августа 1914 г.) значительно усилил роль прессы в повседневной жизни широких слоев населения, которое проявило огромный интерес к происходившим в мире событиям. Следуя запросам миллионов людей на информацию, крупнейшие русские газеты ежедневно публиковали сотни материалов о международном положении; внешнеполитические новости в этот период оттеснили на второй план большинство вопросов экономической и внутривосточной жизни. В то же время взаимная информационная блокада союзников ухудшила работу иностранной корреспонденции и резко оборвала устоявшиеся контакты русской печати со многими европейскими государствами. Газетным редакциям приходилось фактически заново налаживать каналы получения информации из Европы, зачастую – «окольными путями», через нейтральные и союзные государства.

В новых условиях власти обратили большое внимание на прессу как на важнейший источник информации, имевший огромный пропагандистский потенциал. С первых дней войны проводились постоянные встречи представителей газет с представителем Главного Управления Генерального Штаба (ГУГШ). С помощью этих «встреч» власти пытались максимально широко распространять официальную точку зрения на ход военных действий и старались опровергать «слухи и домыслы», исходившие в том числе и от неприятельских государств. Кроме того, взаимодействие с прессой позволяло ГУГШ формировать собственную информационную повестку дня, характеризовать основные социально-экономические и политические процессы в мире. С конца августа 1914 г. сюжеты о постоянном ухудшении внутреннего положения Центральных держав и деградации вражеских армий

развивались в бюллетенях, которые представитель ГУГШ, полковник А.М. Мочульский, ежедневно передавал представителям газет.

Осенью 1914 г., в условиях стабилизации фронта и затягивания войны, ГУГШ гораздо охотнее предоставляло сообщения о «скорой» капитуляции Германии и Австро-Венгрии, чем сводки с фронтов, которые и до того воспринимались прессой и обществом как излишне «сухие» и лаконичные. Представители печати не игнорировали «неофициальные» сообщения и систематически передавали их в редакции, которые, в свою очередь, публиковали эти «сведения» в виде «последних/военных известий». Однако самих представителей прессы гораздо больше интересовало положение русских армий в Польше, чем размер ежедневного пайка в Берлине и Вене.

Во втором параграфе, «Образы вражеских армий на страницах русских газет в 1914-1915 гг.», анализируются методы и приемы репрезентации вражеских войск в русской печати в течение первого года войны. «Образ врага» в прессе формировался на основе заграничных телеграмм, корреспонденций с фронта, а также сообщений от ГУГШ. Корреспонденты и обозреватели (среди которых было немало известных писателей и журналистов) использовали свой талант и вносили свою лепту в создание на страницах изданий «нужного» властям образа неприятельских государств. В сообщениях от Генштаба немцы, австрийцы и турки представляли слабым, морально неустойчивым противником, с плохим обмундированием и недостаточным количеством оружия и боеприпасов. Падение дисциплины и массовое дезертирство, вместе с истощением мобилизационных резервов, должны были «в скором времени» привести к окончательному разложению вражеских армий.

Однако даже несмотря на усиленную цензуру и попытки со стороны властей использовать прессу в качестве «послушного» инструмента пропаганды, с самого начала войны в газетах не существовало единого мнения о враге. Дискуссии о причинах и истоках войны выявили, помимо

прочего, разное отношение к противникам России, разные мнения о силе и боеспособности вражеских армий. Кроме того, активно развивавшийся в печати образ слабого и морально неустойчивого врага вызывал беспокойство цензурных ведомств, которые уже осенью 1914 г. предостерегали от «излишне оптимистичного» взгляда на состояние неприятельских войск и на ход войны в целом. Предостережения в это время исходили и от военных корреспондентов, имевших возможность более близко ознакомиться с сильными и слабыми сторонами неприятельских армий. В течение зимы-весны 1915 г. «образ врага» в представлении корреспондентов становился более сложным и противоречивым, постепенно освобождался от пропагандистских штампов начала войны.

В период отступления русской армии летом 1915 г. образ вражеских войск на страницах газет претерпел кардинальные изменения. Отказавшись от уничижительной риторики по отношению к немцам и австрийцам, печать, однако, бросилась в другую крайность, превознося (а часто – и преувеличивая) военную мощь и боевой дух неприятельских армий. Предпосылки к этому были заложены еще в начале войны, когда пресса (как и разные авторы в отдельных газетах) не сформировала единого представления о сильных и слабых сторонах военных противников России.

Третий параграф, «Русская печать о состоянии вражеского тыла в первый год Мировой войны», повествует о том, как русская пресса характеризовала социально-экономическое и политическое развитие неприятельских государств в условиях общеевропейского конфликта. Состояние вражеского тыла привлекало не меньшее внимание прессы, чем боевой дух вражеских армий. Из «неофициальных» известий от ГУГШ и материалов зарубежных корреспондентов читатели могли узнать о стремительной деградации германской и австрийской экономики, которые находились в практически полной изоляции от мирового хозяйства. В первые месяцы войны в печати господствовало убеждение, что экономическая

блокада в ближайшей перспективе должна была привести к социально-политическим кризисам, и в конечном итоге – к военному поражению Германии, Австро-Венгрии и Турции.

С затягиванием войны в печати все чаще высказывались сомнения в том, что Центральные державы «сами сдадутся» из-за угрозы голода и дефицита ресурсов. На рубеже 1914-1915 гг. обозреватели неоднократно отмечали успешный опыт самоорганизации Германии в условиях блокады, а на фоне проявившихся схожих экономических проблем в России – даже призывали использовать немецкий опыт. Значительное влияние на настроения прессы оказало «великое отступление» русской армии, продемонстрировавшее не только сильные стороны врагов, но и неподготовленность российской экономики и всего общества в целом к продолжительной войне.

В заключении сформулированы выводы и подведены основные итоги исследования.

Накануне Первой мировой войны (февраль-июнь 1914 г.) русская печать считала Германию и Австро-Венгрию составными частями единого геополитического субъекта, с едиными целями и стратегией действий в мировой политике и экономике. Центральные державы, будучи представителями противоположного военно-политического лагеря, признавались русской прессой наиболее вероятными военными противниками в будущем общеевропейском конфликте.

В последние предвоенные месяцы на страницах газет всех политических направлений высказывалось мнение, что Берлин все больше «тяготился» союзом с Австро-Венгрией, чья «непредсказуемая» внешняя политика могла привести к «нежелательным» для Германии последствиям. Обстановка в Европе после покушения в Сараево 28 июня 1914 г. на первый взгляд подтверждала верность этих предположений. Внешне сдержанное и осторожное поведение Берлина после убийства австрийского эрцгерцога

вызывало в прессе уверенность, что новый балканский конфликт не перетечет в «европейский пожар».

С началом войны развеялись иллюзии «здравомыслия» немцев; Германия и Австрия предстали на страницах русских газет единым врагом, вероломно напавшим на Сербию и Россию. Большая часть печатных изданий придавала новой войне особый смысл, выводила ее за рамки обычного межгосударственного конфликта. На волне популярных в то время панславистских настроений многие русские газеты стали рассматривать конфликт с Центральными державами как новую и решающую схватку «славянства» и «тевтонского племени».

Сюжет о «зверствах» германских войск оказал значительное влияние на образы противников на страницах русской печати. Выявление идентичных по форме и содержанию преступлений австрийской армии в Галиции и Сербии позволяло газетам формировать на своих страницах образ «озверевшего тевтона», вторгнувшегося в пределы «цивилизованного мира». Согласно логике большинства русских изданий, Германия и ее «верный союзник» выступили не против конкретных народов или государств, но против всей устоявшейся модели международных отношений, против международного права, против законов и обычаев войны. Согласно этой точке зрения, Центральные державы бросили вызов остальному миру, который, несмотря на политические и культурные различия, объединился для борьбы против общей угрозы.

Вместе с тем в прессе высказывались разные мнения относительно истоков и непосредственных причин германо-австрийской агрессии. Важно и то, что наибольшие разногласия возникли между теми газетами, которые до войны были на разных флангах политического спектра и систематически конфликтовали между собой по различным вопросам внутренней и внешней политики. В августе 1914 г. эти противоречия прекратились, но лишь для

того, чтобы через считанные недели после начала войны вспыхнуть уже на новой почве.

Возобновлению споров между «старыми» противниками способствовала набиравшая обороты кампания по борьбе с «немецким засильем». Затронув вопрос об этнических немцах, проживавших в России, пресса, вольно или невольно, актуализировала временно «отставленные» в сторону проблемы и дискуссии. Оппоненты при первой возможности с готовностью вернули эти вопросы на страницы газет, попутно обвиняя друг друга в нарушении «священного единения».

Первая мировая война стала для русской печати серьезнейшим испытанием и поставила перед газетами необходимость осмысления собственной роли и положения «в тяжелую годину». Эту задачу журналистам приходилось решать «на ходу», в резко изменившихся условиях, когда и читатель, и власти меняли свои требования к газетам, однако эти требования зачастую противоречили друг другу.

Использование печати для формирования «образа врага» в русском обществе было весьма непростой задачей. Власть пыталась влиять на прессу путем значительного расширения полномочий цензуры и установления постоянных контактов между представителями периодических изданий и военных ведомств. Газеты, не отказываясь от сотрудничества с властью и принимая новые «правила игры», продолжали считать своей главной задачей удовлетворение читательского спроса на информацию об окружающем мире. В период войны не теряла актуальность конкуренция за читателя, а борьба за достоверные источники информации только обострилась. Огромный интерес русского общества к войне побуждал печать к постоянному увеличению количества подробных публикаций о положении на фронте и о повседневности противоборствующих армий.

Быстрое увеличение количества публикуемых в печати «подцензурных» материалов значительно усилило нагрузку на дежурных цензоров,

вынужденных ежедневно просматривать множество газет и журналов. В результате все более частым явлением становились пропуски в печать «недозволенной» информации о положении на фронте. Нередко на страницы газет попадали статьи с комплиментарными отзывами о неприятельских армиях, об эффективности их вооружений и тактических приемов.

На этом фоне содержание «неофициальных» сообщений от ГУГШ не претерпевало значительных изменений. Очевидно, что составители этих сообщений не проявили достаточной гибкости, не учитывали изменения в настроениях русской печати, а также новые тенденции в освещении вражеских государств и их армий. Цензурные органы, в свою очередь, не проявляли достаточной последовательности при систематическом просмотре печати, в одних случаях пропуская, а в других запрещая статьи и телеграммы схожего содержания. Это нередко вызывало недовольство как военных ведомств, так и самих газет.

Подробные зарисовки «действительной» силы германской и австрийской армий в период «великого отступления» постепенно приобретали ярко выраженный внутрисполитический оттенок. В сообщениях о «смертоносной силе» германской артиллерии между строк читается резкая критика в сторону властей, не подготовивших для русской армии необходимых материальных резервов. Оппозиционные газеты на фоне военных поражений и нарастания внутрисполитического кризиса возобновили критику правительства с новой силой и на еще более веских основаниях. В этом смысле фронтовые сводки «без купюр» косвенно указывали не только на недооценку «реальной» силы врагов, но и на неспособность действующей власти привести страну к победе в одиночку, без помощи «общественных сил».

Тем не менее, многие журналисты использовали сюжет о «сильном» враге для демонстрации стойкости и героизма русской армии, которая, несмотря на огромные проблемы с вооружением и боеприпасами, отступала

«в полном порядке». Однако и эти публикации в конечном итоге только усиливали недовольство властью, вызывали новые слухи о «катастрофе на фронте» и способствовали гиперболизации силы вражеских армий в глазах русского общества.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

- 1) Богомолов, И.К. Сараевское покушение 28 июня 1914 г. и его последствия в освещении русской печати // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2(40). – Ч. 1. – С. 31-35.
- 2) Богомолов, И.К. Русская печать и борьба вокруг «болгарского займа» в январе-июле 1914 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2(40). – Ч. 2. – С. 30-33.
- 3) Богомолов, И.К. Русская печать о причинах и истоках Первой мировой войны (август 1914 г.) // Россия и современный мир. – 2014. – № 3(84). – С. 133-142.

Публикации в других изданиях

- 4) Богомолов, И.К. «Спокойная решимость» против «шовинистического угара»: предвоенная Европа глазами русской печати // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей. – Калининград: «Живем», 2013. – С. 263-270.